

Абстрактная машина и недискурсивное поле

Феликс Гваттари (1930–1992) — французский философ и психоаналитик.

Пер. с фр.: Егор Курышов

Под ред. Никиты Архипова

Ключевые слова: психоанализ, шизоанализ, акт высказывания, мета-моделирование, детерриториализация, субъективность, бессознательное, микрополитика

В настоящем семинаре от 12 марта 1985 года Феликс Гваттари развивает концепцию абстрактной машины. Противопоставляя ее репрезентативным и структурным моделям, Гваттари исследует механизмы экзистенциализации, спекулятивных картографий и семиотических сборок, лежащих, по его мнению, вне логики символического. Особое внимание уделяется понятию «экзистенциальной территории» и условиям ее формирования в психическом, социальном и политическом измерениях.

СЕГОДНЯ Я БУДУ НЕ ТАК СКРУПУЛЕЗЕН, ПОТОМУ ЧТО МЫ СОБРАЛИСЬ НЕБОЛЬШИМ КРУГОМ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ К ОТНОСИТЕЛЬНО АБСТРАКТНЫМ МЕСТАМ МОИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ ВСЕГДА ВРАЩАЮТСЯ ВОКРУГ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ, ЗАТЕМ, ВОЗМОЖНО, ГДЕ-ТО УКЛАДЫВАЮТСЯ — И, Я НАДЕЮСЬ, УГЛУБЛЯЮТСЯ.

Что ж, моя задача сегодня — не споткнуться об анализ содержания, но и не скатываться к тому, чтобы обрисовывать структуру (*repérages structuraux*). Поэтому у меня и возникла идея выявить ряд контингентных моделей. Понаблюдать, что высказывает себя в их поведении, в различных формах семиотического дискурса, а затем

¹ Перевод выполнен по изданию: Guattari F. Machine abstraite et champ non discursif // Chimères. Les séminaires de Félix Guattari [Web resource]. — 1985. — Mars 12. — Available at: <https://www.revue-chimeres.fr/12-03-1985-Felix-Guattari-Machine-abstraite-et-champ-non-discursif>. (Accessed: 25.06.2025). (c) Bruno et Emmanuelle Guattari fonds IMEC 2025. Публикуется с любезного разрешения правообладателей.

выделить эти компоненты. Мы уже занимались подобным с ритуринами, чертами лицевости и прочим. Идея, вокруг которой вращается мое повествование, — попытаться (на основе *данного*, данного в аналитической перспективе, будь это дуальное отношение, групповой анализ или более обширный коллектив) увидеть, как работают или функционируют последовательности и элементы, которые представлены в дискурсивных полях, другими словами, в поле смысла, и отсылают нас от одного смысла к другому. В то же время они — эти последовательности и элементы — задействуются в другом регистре, иной логике (машинной логике), в измерении, где совсем не работает логика дискурсивных множеств, но осуществляется функция, которую я совсем недавно обозначил как «экзистенциализация» (*existentialisation*) (я пользуюсь этим термином за неимением другого, хотя терминологическая проблема не особо меня волнует).

Таким образом, продвигаясь по этому маршруту, я хотел бы предложить программный лозунг, призывающий к реабилитации образа и воображаемого (*imaginaire*), и защитить их от редукционизмов в лице структурализма и системного анализа, которые появились задолго до 1960-х и восходят к временам самого Фрейда. Мой интерес возник совершенно случайно, и до этого я вообще ничего не знал о том, что у воображения, которое Джамбаттиста Вико называет «топическим искусством», есть своя уникальная логика. Вико представляет его как привилегированный, практически однозначный (*univoque*) [способ получить] доступ к исторической субъективности. Нарботки Вико представляются мне этнографически объективными, поскольку сам Вико в определенном смысле является предшественником этнографии. И я был бы очень рад, если бы кто-то захотел поработать с этой темой.

В таком случае мой подход мог бы показаться парадоксальным: говоря о «поиске структурных ориентиров», я призываю вернуться к образу. Тем не менее подобный подход к Торос'у ни в коей мере не означает, что мы упраздняем понятийное и абстрактное. Всегда есть риск, что мы окажемся перед этой [ложной] альтернативой: заниматься абстрактным, понятиями и рациональностью, или работать с [воображаемым содержанием] мифов и мистического синкретизма (*fusion mystique*). Антагонизм между воображением и рациональностью, кажется, возникает в любом случае. Но не здесь! Я попытаюсь установить и показать, в какой мере эта иконичность [образа] сама выступает носителем высшей абстракции.

Двигаясь по этой траектории, я хотел бы показать, что ритуальные практики или различные символы, нарисованные на теле, — подобные тем, что мы увидели в прошлый раз благодаря Барбаре, — это совсем не территориализованная, грубая [разновидность] мышления, которая на первый взгляд может показаться скудной по сравнению с более рациональными вариантами проявления разумности (*intelligibilité*). Речь идет об иной форме гипер-рациональности, двигающейся по совсем другим тропам.

Мы видим, что эти формы записи (представленные ритуальными и телесными практиками, а также мифами) задействуют в высшей степени абстрактные системы — например, отношения родства. В прошлый раз Барбара рассказала нам об изменении отношений родства, которые представляли собой две абстрактные системы. То есть она показала нам переход от одной системы к другой, который сам воплотился в том, что напоминает иную рациональность.

Таким образом, нам нужно понять, как эта иконичность, это отношение к *topos*'у или это «воплощение на теле» (*corporéisation*) может выступать носителем абстракции?² Причем это «воплощение», на мой взгляд, является чем-то большим, нежели обычной иконичностью, поскольку оно лежит вне дискурсивных отношений. Когда мы представляем себе икону, мы представляем фигуру и задний план, но в примерах Барбары речь идет совсем о другом. Все происходит на уровне интенсивных черт, которые отсылают к самим себе, сами себя задают, как в твоём сновидении о цвете³, который становится всеобъемлющим и охватывает все, что может существовать, и становится неотвратимым. Как эта иконичность тем не менее может выступать носителем абстракции? Я хотел бы еще вернуться к этому парадоксу.

Можно ли вообще представить себе не-дискурсивную абстрактную машину? Так или иначе, заниматься подобными размышлениями довольно трудно. Абстрактная машина — это система или определенный экзистенциальный модус познания, который не покоится на взаимодействии структур, а выстраивается через контингентные констелляции, модус, который выстраивается в определенные экзистенциальные позиции. Но если нет ни дискурсивности, ни передачи

² Имеются в виду временные ритуальные рисунки, наносимые на тело охрой, пеплом или жиром в ходе церемоний у народа варлпири. Эти росписи символизируют связь с мифами сна (*Jukurra*), выполняются женщинами. Часто процесс их нанесения сопровождается песнями и танцами. — *прим. пер.*

³ Гваттари обращается к одному из участников семинара. — *прим. пер.*

энергии, нам нужно понять, что предполагает этот экзистенциальный модус познания, замещающий репрезентацию.

Снова возникает проблема — проблема работы машинного переноса (обобщенного понятия переноса) или трансверсальности. Ее можно сформулировать так: как этим абстрактным машинам удастся проходить через такое количество различных зон, если они не могут быть задействованы в дискурсивном порядке?

Прежде чем начать двигаться дальше, я позволю себе небольшое отступление, — оно покажет, к какого рода проблемам мы сможем прийти. Когда мы рассматриваем психопатологическую проблему, мы склонны приписывать ее какому-либо индивиду: например, говорим — «такой-то человек болен». Можно приписать ей индивидуальный или суб-индивидуальный характер — сказать: «нет, это не человек болен, а такой-то орган». Можно сделать поправку и сказать, что «это не человек или орган болен, а вся семья или ее быт». Как бы то ни было, мы всегда нацелены дать однозначное (*univoque*) определение. Мы пытаемся загнать расстройство в рамки, чтобы классифицировать и тем самым обозначить его. Однако, мне кажется, на деле все обстоит иначе. Возьмем, например, не пациента, госпитализированного в Ля Борд, а сотрудника — тогда модель усложнится. Допустим, у какого-то сотрудника Ля Борд появляется расстройство. Это же расстройство можно использовать для того, чтобы, например, перевернуть ситуацию и сказать: «Ну вот, теперь он — пациент. Ага! Вот и все, он «заболел» в Ля Борд. Был членом персонала, а теперь сам стал пациентом», — но здесь воспроизводится та же самая логика однозначного определения. Однако вполне закономерно напрашивается следующая мысль: существует некое место, напоминающее место на шахматной доске, особое психопатологическое место, которое нужно занять (так же, как место повара или завхоза), и оно определяет само себя. И мы знаем, что существует лишь определенное число клеток, которые определяют, чем будет вещь, и оказываются местом, куда болезни заложены структурно. В данном случае болезни напоминают блуждающие души, которые мы находим в архаичных сообществах: «Нашему ребенку нездоровится (*ah ben le p'tit il a attrapé ça*). Все потому, что дух деда, который бродит туда-сюда, вселился в него». Можно провести обряд и выгнать духа. А можно задуматься о [вмешательстве] иных уровней. В этом заключалась наша с Мони Элкаиимом задача: нащупать различные психосоциальные уровни и схожие расстройства, которые наблюдаются в конкретном квартале у одного и того же типа семей. Таким образом, мы переходим от институции [такой, как как

Ля Борд] к более обширному социальному образованию (*ensemble social*). Как если бы можно было представить себе «невроз старших и младших детей». И в перспективе, которую я вам предлагаю, нет примата одного способа объяснения над другими: онтологически все они равноценны. Отталкиваясь от типа сборки акта высказывания⁴, мы сможем учесть один способ доступа на фоне с другим, однако мы

⁴ Настоящее выступление Гваттари датируется 1986-м годом. Термин «Agencement» или «сборка» (чаще всего Делез и Гваттари говорят о «agencement machinique», машинной сборке) встречается еще в анти-Эдипе, однако термин «agencement d'énonciation» начинает активно использоваться Гваттари уже в рамках его самостоятельного творчества. Используя это понятие, Гваттари пытается разработать альтернативу семиотике, на которой основывается психоанализ и чьим главным элементом оказывается разделение на «субъект высказывания» и «субъект акта высказывания» (на фр. *sujet d'énoncé* и *sujet d'énonciation*). Психоаналитическая перспектива предполагает, что через сознательную речь любого индивида, которая приравнивается к измерению высказывания в качестве «énoncé», постоянно прорезается Иное, оказывающееся не регистрируемым на этом сознательном уровне, хотя и постоянно сопутствующим ему. Это иное и принято соотносить с измерением «énonciation». В психоаналитических традициях, которые с определенной долей условности можно назвать «герменевтическими», принято трактовать это Иное и придавать ему смысл, другими словами, выдавать интерпретацию, способствующую пониманию этого Иного, что тождественно его сверхкодированию. В этой перспективе интерпретация оказывает на слышащего ее гипнотическое воздействие. Однако в лакановской традиции это смысловое сверхкодирование трактуется как неэтично использованием переноса. Еще в 1950-х Лакан совершает поворот в мышлении об интерпретации, и назначением последней больше не является сверхкодирование упомянутого Иного, дающего о себе знать через оговорки, ошибочные действия, внезапное молчание или возникновение несурзностей на определенных участках речи. Теперь хорошая интерпретация, в каком-то смысле оказывающаяся анти-интерпретацией, призвана скорее вычистить понимание. Это не обещает субъекту счастья или избавления от страдания, но по меньшей мере избавляет от бредовых конструкций, чей ригидный характер также может становиться источником страдания. По этой линии Гваттари и Лакан вполне совпадают в своей критике психоанализа: оба мыслителя согласились бы, что задачей последнего является не ре-субъективация пациента при помощи смысловой интерпретации, но скорее его десубъективация при помощи нового стиля интерпретации, которая призвана вычитать смысл, а не прибавлять его. Расхождение между Гваттари и лакановским психоанализом довольно сложно назвать «расхождением» в прямом смысле этого слова. В определенный момент Гваттари перестает интересоваться вопросом: «Что не клеится в речи этого субъекта, хотя он и не признает этого?». На место этого вопроса приходит иная проблематизация: «Что за трансверсальные измерения влияют на речь этого субъекта или этой группы, из-за чего последней сложно говорить так же, как раньше?». Таким образом, субъект, его конфликты и его напряженные отношения с самим собой никуда не деваются, но Иное субъекта не опирается исключительно в его вытесненное. В шизоаналитических картографиях Гваттари делает о своем подходе следующую ремарку: «*Строго говоря, для меня важно сместиться от психоаналитической проблематики, выводящей моделирование субъективности из системы высказывания (système d'énoncé) и заранее сформированных субъективных структур, к Сборкам акта высказывания, способным обеспечить новые координаты для понимания и породить (mettre en existence) ранее небывалые представления и высказывания*». В том же месте Гваттари приводит определение шизоанализа, который работает с этими сборками. Это определение выглядит следующим образом: «*Шизоанализ — это анализ влияния Сборок высказывания на семиотическое и субъективное производство в заданном проблематичном контексте*». Согласно самому Гваттари, этот сложный термин был выбран, чтобы «*вновь не увязнуть в понятии Бессознательного*». — прим. ред.

никогда не сможем сказать: в конечном счете именно институция превратила его в больного, потому что в конечном счете мы имеем дело с расстройством в качестве расстройства чего-то конкретно. При подобном экзистенциальном объяснении имеет место своего рода релятивизм. Таким образом, всякий раз болезнь оказывается следствием несчастного случая или случайности.

А все же, что это за абстрактные машины, о которых я без конца говорю? Представим, мы имеем дело с соматическим расстройством, или фантазматическим представлением, или с территориализованным отношением: истерией или фобией (например, агорафобией). То, что кажется в ней территориализованным⁵, на самом деле переносит абстрактные машины невероятной сложности. Нечто подобное всегда казалось мне потрясающим в открытиях фрейдизма: когда мы углубляемся в сновидение или более простое образование бессознательного, то мы в действительности расчлняем крайне сложные сущности. То есть все же существует некое отношение между простым и сложным, которое работает совершенно иначе. И к нему мы вернемся немного позже.

Моя гипотеза состоит в том, что можно уловить, когда эти психосоциальные институции начинают работать иначе, обращая свою работу вспять. Иногда эти уровни вступают в сообщение, выражают друг друга и могут быть учтены. Кроме того, бывает, что такие уровни могут быть учтены, но они не будут работать в одном и том же регистре.

В примитивных сообществах это иллюстрируется с поразительной наглядностью: когда упомянутые уровни переходят в другой режим работы, они зачастую просто перестают учитываться, — им отказывается в виде на жительство в языке. Имя умершего запрещено произносить в течение двух лет. Становится ясно, что мы вышли из прежнего регистра: имя, конечно, могло бы продолжать употребляться (ведь все его так или иначе помнят), но нет. Мы уже перестали позволять себе настолько простые решения — а зря, ведь результаты-то те же: оговорки, речевые разломы, ошибочные действия, избегание, искажение поведения или даже изменение Миров Отсчета (*univers de référence*).

Такой анализ сборок высказывания — это попытка обнаружить подобные влияния, выявить изменения в логике повседневной жизни

⁵ Гваттари хочет сказать, что все выраженные территориально признаки, например, агорафобии (скопления людей, обширные пространства), как бы заслоняют то, что действительно (экзистенциально) агорафоба страшит. — *прим. пер.*

или супружеских отношений: «В какой-то момент — без видимой причины — все перестало клеиться. Каждый раз, когда я на него смотрела, происходило следующее...» Или: «Я больше не возбуждаюсь. Что случилось?» Интерпретации, конечно, можно выдавать бесконечно. Но вот тут-то надо быть осторожными! Нужно двигаться плавно. Очевидно, интерпретациями мы все только захламаем, и в этом наша фундаментальная проблема. Тем временем совершенно очевидно, что подобного рода объяснения не помогают нам учесть изменения в стиле существования отдельных людей. В этом просматривается парадоксальное отношение: мы только и можем, что источать подробные интерпретации, отсылающие ко всей этой рациональности и объяснительным дискурсам, в то же время совершенно осознавая, что это бесполезно. И чем бесполезнее это занятие, тем с большим рвением мы продолжаем. Нам хорошо знаком этот основополагающий механизм, поскольку его иллюстрация обнаруживается в политической плоскости. Иногда мне случается — в силу определенной необходимости — видеться с людьми, которых я уже давненько не видел. Например, с Кривиним. Это крайне умный товарищ, поскольку полностью осознает — и делает это не только опираясь на рациональность, — что последние пятнадцать лет занимается абсолютной чепухой, а также понимает, что это бессмысленно, — но все же не может остановиться. Это о чем-то говорит. И дело вряд ли в одной только психопатологии — это трансиндивидуальный феномен, который касается и сообществ. Но об этом позже.

Учитывая систему, чье описание я предложил, мы можем наметить несколько отчетливых понятий. В этих системах имеет место внутреннее кодирование, которое происходит между множеством и другим множеством, тогда как оба этих множества связаны дискурсивно, связаны отношением, которое в потенции может развернуть определенные пространственно-временные координаты и энергетические отношения.

Отношения двух этих множеств потенциально полагают высказывающегося (*énonciateur*), как если бы он и приводил их в отношения. Как если бы существовал божок из машины, *deus ex machina*, который прямо сейчас стучит по клавиатуре, редактируя генетический код. Да, в нашей органической химии нет такого человечка... Но разве это что-то меняет? Он все равно отражает [саму идею] этого пересечения, и, если какой-то ген вдруг оказывается неисправным, он ровно так же отражает и это искажение.

Назовем это модульными системами высказывания, выполняющими кодирование. Итак, мы говорим о связях, которые обуславливаются изнутри (см. схему). Но существуют и другие модульные системы, которые не обусловлены изнутри. Например, отсутствие обусловленности (произвольность отношения) между системой письма (знаков) и системой содержания. Так мы оказываемся перед определенным способом кодирования, который приводит к определенным результатам. Например, можно исходить из идеи о прерывности знаков: здесь буду потенциальные синтаксические связи, прерывность между описаниями, а затем — смысловой феномен, который родится из произвольной связи между всем этим.

Только если произошло первичное развертывание смысла, который был закодирован, как если бы он был сущностью вещей, и только если два описанных способа развертывания смысла [скорее всего, говорит о смысле, трактуемом как сущность, и смысле как произвольной конструкции, прилипшей к материально к носителю, слову, звуку или другому значимому предмету] приводятся в отношение, может возникнуть возможность произвести детерриторIALIZED смысловой феномен, ставший результатом своего рода игры компонентов: была батарея означающих, и мы вполне могли бы заменить ее другой батареей означающих. Как я говорил во время выступления Барбары: отдельный пейзаж, узоры, нарисованные на груди женщин, отсылающие к отношениям родства или чему-то еще, всегда могут быть соотношены с чем-то еще. Эта свобода и произвольность знака позволяют завладеть, опираясь на определенные семиотические средства, содержанием. В этом просматривается удовольствие от обладания: таким образом, взяв за основу определенную дискурсивную гамму или набор, я завладеваю производимыми ей звуками, но эта игра не ограничивается тем, что одно кодирование завладевает другим кодированием или выталкивает его.

[конец ленты]

Таким образом, в результате этой произвольности создается своего рода прибавочная стоимость. Следовательно, есть фундаментальная связь между сборкой, основанной на семиотике произвольного знака, и прибавочной стоимостью в виде производимого смысла. Я настойчиво говорю именно об этой семиотике, потому что именно так мы нащупаем ее несовпадение с другой семиотикой. Я повторял это раз сто, но скажу в сто первый, не вдаваясь в особые детали: разумеется,

я выстраиваю не теорию двойного членения, но членения множественного, ведь моя идея состоит в том, что мы никогда не имеем дело лишь с двойным членением, но всегда с *n*-членением. Поэтому, даже когда сопоставляю две системы кодирования, следует учитывать, что всегда есть другие, существуют смысловые компоненты, находящиеся на оси детерриториализации, порождающие возможную прибавочную стоимость смысла.

Е: Критикуя двойное членение, ты держишь в голове историю, отсылающую к субъекту высказывания и субъекту акта высказывания, или это касается совсем другого?

Ф: Нет, но сейчас я к этому перейду. Каждый компонент производит прибавочную стоимость в виде смысла, производит членение. И в этом можно узнать отношения потоков: так последние приходят в сообщение (см. схемы). На место категорий субъекта высказывания и акта высказывания приходят «филумы», термин, выражающий машинное в его абстрактной форме, — глубинные структуры, которые кодируют (*traitent*) эти потоки. Они действуют на оси актуализации или даже непосредственно в ее зоне, в зоне перехода потенции в действие (*actuation*) (это можно назвать актуализацией, о-вот-бытийствованием).

Однако сказанное не позволяет нам ухватиться за сам акт высказывания. На уровне филума существуют виртуальные прототипы акта высказывания, что подводит нас к вопросу: в результате чего появляется сборка акта высказывания с ее богатой дискурсивностью и всеми ее возможностями? Думая об этом, мы могли бы поразмышлять о рефлексах или о тех машинах, которые лежат в основе вычислительной техники, но так мы не сможем подойти к акту высказывания. Акт высказывания начинается тогда, когда возникает переизбыток (*plus-value*) возможности, позволяющий сыграть совершенно новые мелодии, и проявляется потенциальная творческая сила. Но мы все еще не дошли до этого.

Строго говоря, возникновение новых связей⁶, которые появляются здесь и там, захватывает потенциальных высказывающихся. В свою очередь эти высказывающиеся порождают бессмыслицу. Тем самым появляется семиотическое звено, функция которого совпадает с реле или переключателем, который на определенной мощности

⁶ Гваттари употребляет термин «retournements synaptiques». По ходу лекции он пользуется этим понятием, когда хочет обозначить, что произошел отрыв от дискурсивного, в результате которого либо обнаружилось экзистенциальное, либо появилось условие возможности его схватывания. — Прим. ред.

создает новые отношения. Однако помимо этой функции этот переключатель — в лице высказывающегося — становится способом образовать экзистенциальную территорию.

Это звено выполняет роль посредника, но мы не можем говорить в отношении его работы о двойном членении, поскольку здесь возникает необходимость другой категории, ведь двойное членение требует наличия дискурсивности, которой здесь нет. В этом смысле территории высказывания, то есть экзистенциальные территории, удобно собираются в агломерации, нагромождаются друг на друга, образуя системы. Поэтому следует подумать: не стоит ли нам объединить эти различные категории в серию, чтобы последние стали работать как меняющаяся экзистенциальная территория. Приведу несколько простых примеров: когда я сплю, в моей голове вступают в отношения определенные модульные системы семиотизации, которые, переплетаясь, начинают звучать гаммами инструментов. Но когда я просыпаюсь, я отключаюсь от этих систем, и подключаюсь к другим, и открываю для себя поле взаимодействия с индивидами или машинами. Только на этот раз я хотел бы обратить ваше внимание на различие, на эту знаменитую асимметрию в моей схеме, которую я искал в течение многих лет, в частности, через сны (я говорил: существует асимметрия между отношениями филумов, потоков и отношениями экзистенциальных территорий и систем, и она заключается в том, что нет никакого экзистенциального переизбытка, нет переизбытка акта высказывания, нет маленькой стрелки (см. схему), указывающей на этот уровень). Различные скопления, которые мы здесь обнаружим, окажутся полностью склеенными друг с другом. Это понимали феноменологи, в частности Гуссерль: он понимал, что инаковость (*l'altérité*) — это плод его же субъективности. Его мир — это все то, что есть вокруг. Отношение к тому, что существует, а что нет, всецело империалистично. Именно внутри этого экзистенциального схватывания появляется мое отношение к другому. Но здесь инаковость проявляется иначе, чем в рамках дискурсивных множеств. Существует принцип образования скоплений. Нет иного средства пробиться к существованию, нежели пробиться к отношению авто-экзистенциализации.

Поэтому, когда мы различаем [смысл высказываний] «я сплю» и «я работаю», «я разговариваю» и «меня захватывает настроение толпы», мы [доподлинно] различаем их не в экзистенциальной плоскости, а, напротив, опираемся на определенные дискурсивные ориентиры. Однако эти ориентиры носят не научный характер и не

выстраиваются на взаимной однозначности, поскольку в данном случае речь не идет о дискурсивных множествах. Речь идет о мифическом, мифологическом отношении и его постановке или театрализации — не о безотносительности, но и одновременно о том, что никакого отношения нет. И этот парадокс приводит нас к мысли о том, что мы пробиваемся к этим экзистенциальным аффектам, мутациям и превращениям экзистенциальных констелляций лишь при определенном использовании дискурсивных категорий. Как только мы начинаем кодировать эти мутации, имеющие отношение к переносу (*transférentielles*), используя термины дискурсивной логики, мы теряем их. Таким образом, только при условии наличия дистанции или разрыва между [дискурсивно] поставленным (*mise en scene*) и схватыванием измерения экзистенциального (ранее упомянутые аффекты и констелляции), последнее может быть познано.

И сейчас я может быть смогу вернуться к загадке, которую в прошлый раз нам загадала Барбара. К загадке о мертвой душе — этой пустой душе, по поводу которой мы никак не могли прийти к согласию.

После переворачивания [Гваттари имеет в виду отрывание от дискурсивного — *прим. ред.*] мы не сможем сразу же нащупать упомянутое экзистенциальное. Ведь, совершая его, мы не занимаемся кодированием. Ничего не предполагает возникновения этого экзистенциального осознания. Оно начинает существовать лишь по мере мета-моделирования. Но любому мета-моделированию предшествует бессмыслица — переправа через пустоту, которая выступает процедурой избавления от любых значений.

Именно это опорожнение от значений может оказаться репрезентацией мертвого тела. Этот процесс — случайный маркер изменения статуса, переворачивания между дискурсивным и экзистенциальным. С этого момента на повестке дня не логика дискурсивных множеств: я — мое тело или тело Бога, тело Аллаха, магическое тело или тотемическое тело. Я оказываюсь самым местом, где происходит это скольжение. Довольно громко будет сказать, что тело — опора для всего перечисленного: оно образует лишь пустой срез, возвещающий, что мы пришли к авто-экзистенциальному осознанию и покинули восприятие дискурсивное. И хотя эта двойственность [переход от дискурсивного к абстрактному] наблюдается на одном и том же материале или предмете, это обращение может трактоваться как тело-без-органов, трактоваться как рычаг переключения между двумя логиками.

Следовательно, сейчас, когда речь идет об определенном уровне абстракции, о приведении в соответствие (см. схему), не получится просто так перейти из одного места в другое. Иначе возникнет уже древоподобная логика, определенная рациональность, в рамках которой любой переход подразумевает движение дедукции, наличие законов, пространственно-временных категорий, а также возможность рассуждать, обращаясь к понятию энергии. Что угодно может быть поставлено [во взаимное] соответствие, но не каким угодно образом.

Мы видим, что и сами уровни абстракции организованы и структурированы на более глубоких уровнях абстракции, где располагаются центры рациональности, которые управляют этими членениями [уровней], и где нет этих глубинных, организующих структур. Здесь мы можем сразу перейти, как во сне, к чему-то, что случайным образом связано с объектом, и этим объектом может быть мой дед, моя родина (...) И тем временем, речь не идет о полностью упорядоченном уровне: нет, он не упорядочен, но у него есть уровни организации, где работа клеится или же нет (*ça marche ou ça ne marche pas*). Это проявляется в том, что мы находимся вот в этой субъективности, а не в какой-то иной, в субъективности, которая развернется или не развернется в поле прагматики. Эта субъективность может столкнуться с торможением, разрывами и прочими феноменами. За этим стоит согласование абстрактных машин, которые были захвачены территориями, которые я поименовал как дискурсивные. Мы можем в театральной манере — не буду говорить о метафорической, потому что это слово слишком часто употребляют лаканисты, — характеризовать эти абстрактные машины, обратившись к топическому искусству Вико [Джамбаттиста Вико придумал свою классификацию исторических эпох, на которую и ссылается Гваттари], которое носит произвольный характер и размещается за пределами семиотики означающего и означаемого. Это позволяет сказать, что в действительности существует определенный тип абстрактных машин, осуществляющих перенос и пронизывающих совершенно разобщенные — если мы схватываем их экзистенциально — порядки. Об этом типе абстрактной машины можно сказать следующее: мы сталкиваемся с ней в дебюссизме, но в то же время и в импрессионизме или в определенной экономической проблеме той эпохи. При этом, само собой, она не имеет никакого пространственного выражения, никакой энергетической подпитки, она и не включена в причинность, которую можно непосредственно наблюдать, но при этом она задействована в определенных экзистенциальных констелляциях.

И вот теперь вы видите, как все это меняет степень важности (как показывает Вико), которую можно придать культуре, мифам и всем способам доступа к этим объектам (будь то частичные объекты определенного уровня или религиозные объекты). Но почему они постоянно прибиваются к иррациональным, религиозным и т. д. вещам? Почему? Потому что в определенном состоянии субъективности просто нет иных средств, есть только те, что «попали под руку». Если для того, чтобы продолжать существовать, мы с неизбежностью вынуждены прибегать к этому типу топикки, то и не стоит удивляться тому, что люди и сами стремятся ухватиться за него, осознавая при этом его несостоятельность. Возьмем, к примеру, меня: допустим, я начну оспаривать категории, которые Ж. постоянно использует в своих бесконечных историях, — поскольку она очень любит меня, она это стерпит. Но в глубине души она прекрасно понимает, что вся эта моя критика — бессмысленна. Какое значение имеет эта критика, когда под вопрос попадает ее отношение к собственной практике, к самому ее существованию? Скажем так: у нас просто разная религия. На самом-то деле и Ж. вправе не без доли иронии спросить меня: «А скажи-ка, как ты занимаешься своей алхимией? Как ты практикуешь свою акупунктуру? Как это ты создаешь свое тело без органов?» На этом уровне не может быть никакой диалектики.

Я позволю себе еще одно небольшое отступление, чтобы вернуться к разнице между конкретными и спекулятивными картографиями. Я считаю, что это различие необходимо зафиксировать и придать ему статус, еще более весомый, чем мы придавали ранее. Конкретные картографии работают на уровне «как ты функционируешь?», «на что ты ориентирован?». Здесь я хотел бы обобщить понятие «sreachast», которое можно назвать своего рода «семиотическим актом». Какие ритуурнели, какие спусковые механизмы здесь срабатывают? Я привожу пусть и слишком вульгарный пример, но он точно передает всю суть: когда утром не могу заставить себя работать, я чего только не выдумываю... чтобы вернуться к работе. Беру учебник «Ассимиль» по португальскому и думаю: «А не выучить ли мне португальский?», хотя и прекрасно знаю, что никогда этого не сделаю. Или иду варить кофе. И если средствами такой картографии мне все же удастся включиться в работу — прекрасно. Каждый справляется со своими трудностями как может. Куда проще в определенные часы выйти из дома и сесть в метро — там-то все системы включаются автоматически. Хотя некоторые случаи требуют куда более сложных картографий, чем простой

поездки на метро. Ну и вот, в тот момент, когда я понимаю: «Ага! Вот оно!» и принимаюсь за работу, начинаю что-то писать, мне приходит сигнал — мне очень хочется в туалет! Это и есть конкретная картография. И нужно понимать, что именно через это выражается. Без остановки конкретные картографии работают, например, на поприще сексуальности — и это слишком заметно. Попросите людей объяснить, к каким механизмам они обращаются, чтобы суметь заняться сексом, и вы получите в ответ кучу неожиданностей — потому что о том, что действительно работает, обычно молчат... Каковы эти конкретные картографии? — да, ответ мог бы вызвать серьезное замешательство. Конкретные картографии... Я привел в пример сексуальность, письмо... Но то же и с политическим активизмом. Чтобы что-то сделать, чтобы заявить: «Мы не согласны!», требуются чудные диспозитивы — бесполезные собрания, речи, машины, и вот в итоге слышится: «Давайте сделаем это!». И ценой всей этой сложности, возможно, что-то и удастся! Вот это и есть событие! Есть еще много примеров. Но в общем-то, все это — конкретные картографии. И аналитикам следует обратить на них особое внимание. Ведь они же сами привносят в эти картографии свои собственные измерения. Сам факт обращения к аналитику или системному терапевту включает в картографию новый компонент, который может стать чем-то вроде спускового устройства (*déclencheur*), работающего так же, как последовательность действий: сесть в метро и обязательно при этом прокрутить в голове: «Если снова опоздаю — меня вышвырнут!».

Спекулятивные же картографии обретают особое значение тогда, когда мы ясно понимаем, что механизмы, вроде «я хочу в туалет», выступают самым примитивным способом кодирования. Наряду с ними, очевидно, должны существовать механизмы в высшей степени абстрактные. Допустим, лишь думая о Боге (или о Короле), я действительно нахожу в себе мужество маршировать в строю, идти на войну и на смерть. А без них — нет, я не пойду, я не хочу умирать, мне это неинтересно. В роли подобных механизмов могут выступать совершенно абстрактные компоненты (Бог, впрочем, еще относительно конкретен!) — скорее, их следует называть абстрактными идеальностями, предельно абстрактными цепями, запускающими прагматический переход к действию, к экзистенциализации, к актуализации экзистенциального уровня. Перед нами не просто ухватываемые на эмпирическом уровне элементарные модульные системы.

Спекулятивные картографии. Предельный уровень наиболее абстрактных образов находится совсем не на платоновских небесах, не в мире идей или иных универсалий. Он сам зависит от определенной картографии, поскольку даже самое абстрактное, актуализируемое как машинное, может являться таковым лишь в определенный момент.

Эти картографии в высшей мере абстрактны, но тем не менее случайны или контингентны. Даже самые абстрактные машины, когда-то заставившие полчища людей отправиться завоевывать святые земли, были продуктом совпадения [contingentes]. Я говорю конкретно: да, это абстрактные машины, но они получают контингентное воплощение: будь то конкретный текст, конкретный индивид или даже усики Гитлера; это специфический материал семиотизации, благодаря которому становится возможной организация поля экзистенциализации.

Спекулятивная картография — именно она создает условия возможности для наиболее абстрактных машинных уровней. Отсюда фундаментальная важность теологических, политических, идеологических, философских и других споров. Не важно, придерживаемся ли мы капиталистической философии, претендующей на то, чтобы охватить все категории, или же разворачиваем спекулятивную картографию применительно к локальным парадигмам, которые не стремятся к универсальному, — меняются, разумеется, сами картографии. Спекулятивные картографии — такие как Фрейдизм или Фундаментализм — открыли поля возможного для различных компонентов, задействованных в конкретных картографиях. Заметьте, они не выступают в качестве референтов для конкретных картографий и не играют роль обосновывающих их научных теорий: подобная позиция характерна скорее для философии или капиталистической науки, претендующей на обобщение, на то, чтобы полностью абстрагировать различные модульные уровни. Спекулятивные картографии, напротив, создают возможные поля членений, будучи и сами подвержены мутациям.

Итак, если мы пытаемся построить теорию, произвести определенную спекулятивную картографию, можно сразу сказать, что эта теория на своем уровне никогда не будет достаточно спекулятивной и, добавлю, никогда не будет в достаточной степени оторвана от конкретной картографии. В такие теории мы можем впустить любые формы искусства и творчества, но при одном условии: они должны быть свободны от задачи что-то объяснять или выступать в роли референта

для конкретных картографий. Тем не менее эти формы приводят в движение абстрактные машины, обслуживающие систему мутации.

Я исхожу из идеи о псевдо-референтах. Спекулятивные картографии — это псевдо-референты, и самое важное здесь — это слово «псевдо»: они никогда не бывают достаточно псевдо.

Теперь давайте подробнее остановимся на некоторых из этих идей.

Простое и сложное. Здесь мы могли бы подумать, что элементарные модульные системы — это ни что иное, как простые идеи или единичные восприятия в духе Локка, Кондильяка и т. д., которые можно развить вплоть до социального уровня и выше, до все более и более абстрактных. Но дело вовсе не в этом: речь идет не о модульных системах или кодах, которые можно привести к иерархии в какой-то обобщенной системе. Такая картина может показаться уместной на уровне чисто описательном, пока мы не совершаем обратного движения (то есть не пытаемся извлечь что-либо из описания), однако модули элементарны в той мере, в какой они «элементаризированы». Так вот, стоило бы однажды серьезно подойти к вопросу о простом и сложном в истории философии. Пока же обозначим, что в целом существует два подхода: одни стремятся построить сложное из простых элементов, другие же, напротив, выводят простое из сложного.

Например, лично я убежден, что Декарт строил сложное из простого, из ясной и отчетливой идеи. В то время как Ньютон работал с большими и сложными системами приливов, движений планет или падений тел, чтобы вывести из них нечто простое — законы гравитации. Это не мешает ему быть алхимиком — никому и не приходит в голову осуждать его за алхимические изыскания, ведь он все-таки совершает обратное движение (движение извлечения). Вот если бы Декарт оказался алхимиком — это было бы поистине ужасно! Но Ньютон? Да пускай хоть с головой утонет в своей алхимии, в конце концов, он стремится ухватить сами связи. Здесь мы имеем дело с отношением, где элементарное или модульное не даны заранее, но производятся как элементарное, то есть сами элементаризируются.

Что в таком случае нам следует понимать под элементарной модульной системой? Наверное, вещи, которые элементарны с соматической точки зрения: например, «мне хочется в туалет». Это уровень, на котором с легкостью может быть построена иерархия умственных, дискурсивных, интеллектуальных, социальных и других способностей. Однако то, что может быть разбито на элементарное, может также относиться к дискурсивностям совершенно иной природы:

например, коллективные явления, которые становятся элементарными, как лепенизм — в действительности модульное явление (см. схему). Что касается других телесных устойчивых черт (я самоопределяюсь, выбираю поведение, отношу себя к мужчинам/женщинам, сексуальности), они должны определяться посредством того, что не может являться иерархически элементарным с точки зрения, которая желает надстроить биологическое над материей и сложить из этого пирамиду. Элементарные установки, происходящие из социума или из религиозного мировоззрения, или, скажем, от мудрости — такие, как идея баланса Инь и Янь в китайской философии, — сами могут выступать элементарными модульными системами, которые контролируют другие. И вы видите, что между ними нет иерархии X, но всегда есть перестройки на уровне этих модульных систем.

Это позволяет нам сделать, возможно, очень важный шаг. Та модульная система, что сейчас оказалась там или тут, может переместиться в другую зону (см. схему). И тогда возникает то, что может быть названо некоей модульной экспроприацией. То, что раньше работало как модульная система, скажем, в отношении меня (я был голоден, тот индивид вел себя определенным образом...), может измениться, ее компоненты перейдут на другой уровень, и тогда возникнет иная система. Точка, которая находилась здесь, под контролем определенной субъективации, может переместиться, занять место другой, более того, вытеснить ее.

Таким образом, мы приходим к теории вытеснения актов высказываний, компонентов актов высказываний — к теории вытеснения как такового. Однако теперь она основана не на иерархии влечений и различных надстроек над ней, каждая из которых располагается на уровне, связанном с идеями. Речь идет о теории вытеснений, которая больше не подразумевает энергетических и динамических отношений. На этот раз теория является чисто топической: меняются экзистенциальные координаты и то, что прежде контролировало мое поведение, меняет свою экономику. Вернемся к примеру, на который я уже ссылался, — к случаю маленького Ганса.

Напомню, что в тот момент, когда отец Ганса вел беседы с профессором Фрейдом, все это записывающим, у малыша еще не было никакой фобии. Единственная проблема малыша заключалась как раз в том, что его отец испытывал большое любопытство в отношении открытой Фрейдом детской сексуальности. Маленький Ганс проводил время со своими друзьями и чувствовал себя прекрасно. Но стоило

только маленькой детали где-то в углу захватить над ним власть, как он сразу стал невероятным фобиком! Это способ сделать себя самого более любопытным для Фрейда и отца. И вот самые разные территории (территория кровати, территория мастурбации...) последовательно перестраиваются, порождая ряд сменяющихся образов, среди которых, в частности, вырисовывается фобия. Мы видим, что в отношении частичного объекта, пениса, не может выстроиться никакая иерархия. Пенис просто не может стать универсальным ключом ко всей системе, и поэтому нет и никаких оснований заранее ставить на структурный уровень отца, который должен быть не чем иным, как большим жирафом... То место, которое занимает частичный объект, становится точкой, в которой все экзистенциально поворачивается вспять. И это место может быть занято чем угодно. Хоть пенисом, хоть комплексом кастрации. Но стоит сказать, что если телу, пенису или другим частичным объектам удастся захватить власть в процессе субъективации — значит, дела действительно плохи! Определенная модульная система здесь установила свою диктатуру над субъективной организацией, хотя ничто не говорит о том, что на ее месте на самом деле не могли бы находиться элементы, куда более детерриториализованные по отношению к телу... Во всяком случае, между сенсуалистическими модульными системами и абстрактными синаптическими композициями не существует никаких неразрывных инфраструктурных связей.

Вот она — теория вытеснения, которая больше не является динамической, поскольку на этом уровне мы находимся в логике плоского, в логике смысла Делеза: в логике Алисы в Стране чудес, где все распластано, развернуто в одной плоскости, словно карточный пасьянс.

Почему все плоско? Почему здесь не возникает никаких дискурсивных, динамических, конфликтующих отношений? Это связано с тем, что в логике дискурсивных множеств термины взаимозаменяемы: детерриториализованные элементы способны обеспечивать сцепление и соотнесение множеств. Качественный остаток есть всегда, поскольку уровни абстракции, развертываясь, позволяют управляться с большими дискурсивными множествами. А я говорю: вовсе нет! Подобного переизбытка смысла просто нет, потому что происходит изменение форм, извлечение форм, о котором писал Ельмслев. Он описывал отношения между а-значающей формой выражения (асигнифицирующей) и означающей формой содержания (сигнифицирующей). И на определенном уровне это суть одна и та же форма.

Происходит схватывание форм, их перенос. Происходит взаимозаменяемость форм, способных проходить через биологические, машинные, социальные уровни и т. д. Именно это и делает возможными жизнь, общество, искусство и прочее.

Однако существование ничем не заменишь. Экзистенциальным территориям подобная взаимозаменяемость совершенно не знакома. И я уверен, это принципиально важное свойство. Существование намертво закреплено за своим *toros*, почему и невозможно извлечь такую форму, которая оказалась бы формой существования. Ты либо есть, либо тебя нет. И даже если ты мертв, нельзя сказать, что это состояние — суть отрицание того, чем ты был. Это не имеет ничего общего с отрицанием. На стороне экзистенциального не существует негативности. Следовательно, такого рода взаимозаменяемость невозможна. Именно это полностью исключает возможность создания переизбытка, взаимозаменяемости и детерриториализации форм.

Единственное, что на этом уровне подлежит переводу, — абстрактные машины. Чисто метафизически или метапсихологически постулированные. И мы говорим об этом псевдо-референциальным образом. Только абстрактная машина подлежит переводу. Мы видим, что существуют самые разные экзистенциальные формы, однако они не поддаются отношениям взаимозаменяемости. Подобного перевода желает, быть может, любовь: я мечтал бы обменять свое существование на твое, сделать наши существования взаимозаменяемыми. Великолепный идеал! Но это просто невозможно. Существование ни на что не обменяешь. Существование есть все сущее, а если его нет, то не о чем и говорить. Мы не можем дать ему другое имя — «не-существующее». Его не впишешь в отношения фигура/фон, в референциальную связь или в логику небытия. Нет никакого «бытия и ничто». Нет пустого фона, на котором можно было бы разместить это самое бытие.

Следовательно, такие состояния, как «быть вне дискурса», «быть не-взаимозаменяемым» познаваемы только в порядке переноса. То есть, как бы это ни было парадоксально, мы не можем получить познаваемое дискурсивное представление этих состояний. Мы пробиваемся к ним только с помощью псевдо-референции, моделирования или мета-моделирования. Однако о такой познаваемости следует говорить в терминах негативной теологии: мы пробиваемся лишь к факту познаваемости, поскольку познаваемость той или иной структуры и так выступает тем единственным, что нам дано, — как если

бы мы очутились в существовании другого, при том, что мы не имеем никакого представления о том, что значит «существовать таким образом» (*habitabilité*). И это, на мой взгляд, — ключ к антропологии: вполне логично, что в примитивных обществах существует склонность к участию, осуждаемая другими. И в этом осуждении они оказываются правы. Безусловно, экзистенциально мы участвуем в познании существования другого, любой формы инаковости: будь то становление животным, растением или музыкальной сущностью. Но только нам нечего сказать об этом. В этом и состоит парадокс познания [другого] через перенос. Существует конкретная истина существования, но она лежит за пределами дискурса.

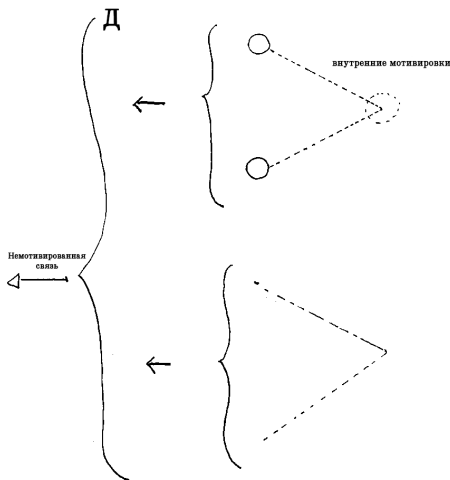

Рис. 1

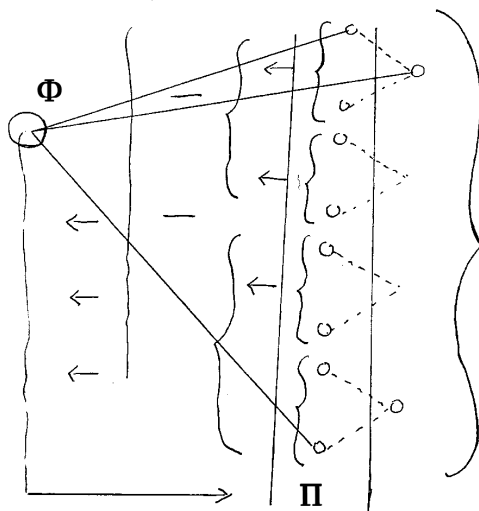

Рис. 2

The Abstract Machine and the Nondiscursive Field

Félix Guattari (1930–1992) was a French philosopher and psychoanalyst.

Translated from French by Egor Kuryshov

Edited by Nikita Arkhipov

Keywords: abstract machine, nondiscursive, existentialisation, speculative cartography, subjectivation, contingency

In this seminar delivered on March 12, 1985, Félix Guattari develops the concept of the abstract machine. Contrasting it with representational and structural models, he investigates the processes of existentialization, speculative cartography, and semiotic assemblages which, in his view, function outside the logic of the symbolic order. Special attention is given to the notion of existential territory and to the conditions of its emergence across psychic, social, and political domains.